

Сегодня - 1998. - 5 июля. - с. 40.

Пятница, 5 июля, 1996

Миссия без миссионера

Чеховский фестиваль. «Остров рабов» Мариво. Постановка Джорджо Стрелера. Декорации Эцио Фриджеро. «Пикколо театро ди Милано»

Ольга Горгома

В

се просто, но с долей неброского изыска. Пустой песчаный берег в рамке легкого фронтона и едва намеченных колонн — вневременность, тождественная всевременности. Буря, шторм. Тень маленького кораблика беспомощно прыгает на волнах. Кораблик тонет. Грозная ночь сменяется тихим, прозрачным утром. В ранних лучах солнца на наших глазах вырастают силуэты тропических растений.

Четверо — хозяева и слуги — оказались на острове, обжитом теми, кто сбежал от своих господ. По законам острова вновь прибывшие, прежде чем получить свободу, должны пройти испытание: поменяться на время ролями. Мсье и Мадам — стать слугами Арлекино и Сильвии, чтобы, испытав на себе все унижения, понять и признать собственные жестокость и несправедливость. Эти условия объясняет вновь прибывшим хозяин острова Тривеллино. С бамбуковой тросточкой в руках, похожей на указку, он напоминает и старого архивариуса, и мудрого наставника, строгого, но терпимого к ученикам. Спокойно и внимательно выслушивает жалобы Арлекино, добродушно наблюдает за Сильвией, с женской изощренностью передразнивающей свою госпожу. С шутилой укоризной отвечает на протесты Мсье и Мадам, терпеливо объясняет цель урока и наблюдает за его выполнением из зрительного зала. Прохаживается между

рядами, присаживаясь на свободное место, как это часто делают учителя. Атмосфера действия напоминает школьный экзамен, когда страх и волнение испытуемых скрывают от них очевидность и простоту решения, давно известного Тривеллино. И вывод в его устах звучит не назиданием, а поощрением. Для всех участников. Так как испытание на самом деле предстоит пройти всем четверым — слугам тоже. От инерции пережитых обид избавиться так же трудно, как и признать собственную неправоту.

Вышедшие из пены морской нагими и свободными, вместе с одеждой они словно надевают свои старые привычки. Мсье из стройного мужчины превращается в изнеженного инфанта, Мадам — в капризную ломаку. Арлекино и Сильвия — в развязных и грубоватых задира. Надевая неудобную для себя одежду господ, они так же неуклюже стараются им подражать: щедро награждают новых слуг тумачами, копируют галантные речи и недовольные гримасы. Начатая с азартом игра им вскоре надоедает. Тогда Арлекино предлагает Сильвии влюбиться в Мсье (который теперь слуга), а сам, для разнообразия, решает влюбиться в Мадам (ныне служанку). Ситуация оборачивается несуразностью, от которой всем становится неловко и грустно. Случается то, о чем не говорил (но о чем наверня-

ка знал!) мудрый Тривеллино: понять и простить другого — все равно что заново себя обрести. Вновь поменявшись одеждой, все с облегчением обретают неведомую ранее свободу от той условности, которая ставит одного человека в зависимость от другого. Открытие приводит их в такой восторг (у них, оказывается, так много общего), что они готовы прыгать, танцевать, хохотать — как дети.

Светлый, почти романтически красивый спектакль, полный азартной актерской игры. Гротеск, шутиловость, ирония, в которых растворяется исходная назидательность сюжета. Искусство, не вступающее в открытую борьбу с реальностью, не уподобляющееся ей. Художник может конфликтовать с властями (Стрелер, как известно, не приехал в Москву вместе со своим театром и подал заявление об уходе, поскольку миланские власти игнорируют театральные проблемы). Но творчество для него — антитеза, вибрирующая сущностное и устраняющая второстепенное.

Можно расслабиться: Стрелер так же мудр, как и Тривеллино, и не предлагает рецепта улучшения мира или достижения социальной справедливости. То, что происходит с героями его спектакля, в какой-то степени можно отнести на счет их личных заслуг. Но результат доступен каждому. Как каждому доступно сдать обычный школьный экзамен. Условность и условие, дающее право стать взрослым.

